

23

С. Х М Е Л Ь Н И Ц К И Й

355.48
X 65
P35186.

ЯРОСЛАВИЧ

1941

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

С. Хмельницкий

ЯРОСЛАВИЧ

1941

Ленинград

◆

С О В Е Т С К И Й
П И С А Т Е Л Ъ

Ответств. редактор *В. Ворченко*.
Подписано к печати 7/VIII-41 г.
М 74556. СII—51/л. Тираж 20 000.
Уч.-изд. л. 1,84. Печатных л. 1^{р.}_м.
Заказ № 4227. 2-я типография
Трансжелдориздата.

Князь Александр, побеждая,
непобедим.

Вторая Псковская летопись.

Имя великого князя Александра начало слыть по всем странам от моря Варяжского и до моря Ионтийского, и до гор Араратских, по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима.

Софийский Временник.

В славный список побед русского оружия над немецким и финским начальные главы врубил своим мечом князь Александр Ярославич, прозванный Невским.

На льду Чудского озера легли под топорами Александровых воинов ливонские рыцари в расколотых бронях. На ладожских берегах, среди карельских болот и озер в битвах с дружинниками Александра растеряли свои мечи и головы финские ратники.

В боях с их жаждущими крови потомками мы храним благодарную память о жизни и делах победителя ливонцев и суми.

О Т Ч И Н А

Князь Александр рос в дубовом тереме среди выгонов, огородов, полей, в тихом Переяславле — полукрепости, полудеревне, где в угловых башнях бревенчатой городской стены перекликались стражники, а по пыльным улицам, мимо частоколов, босоногая детвора гнала хворостинами коров. Маленького князя, одетого в малиновую сорочку с отложным воротом и в зеленые сапожки, мать водила за руку к обедне в Спасопреображенскую церковь.

Вместе с Александром росли окрестные села и городки, срубленные его прадедом Долгоруким. Они росли от года к году, топором и огнем отесняя леса. На месте снесенных деревьев вырастали все новые избы, поднималась рожь на новых полях, закрома наполнялись зерном. Все, до пропахшей овчиной и дымом последней избы на околице, — все тут дышало хозяйской заботой о созидании, о накоплении.

Запуганная челядь на княжеском дворе и хмурые холопы на полях — все было покорно воле Александрова отца, переяславского князя. Вражеские стрелы не залетали в переяславскую тишину. Люди — хозяева изб, полей, огородов, сельские ковали, лесорубы — приросли к земле: жили и умирали на том же месте, где родились. И годы текли за годами неизменной и мерной чередой земледельческих дел: сруб и пал, посев, жатва, стук цепов и дым над овинами.

На юго-востоке, в двух днях езды от тихого сельского Переяславля, на горе над желтоватой Клязьмой белел церквами и золотился верхами теремов великокняжеский Владимир. Тут, в каменном белом терему, украшенном лепными изображениями барсов и скачущих всадников, жил дядя Александра — старший брат отца и его повелитель, князь Юрий Всеволодович, хозяин обширной Владимирской земли, одним из шести уделов которой¹ было небольшое Переяславское княжество.

¹ Переяславский, Ростовский, Ярославский, Углицкий, Стародубский, Юрьевополюский.

Владимирский князь, старший в роде князей-потомков святого Владимира, все еще назывался великим, но это звание уже переставало означать главенство его над князьями громадной Руси. Это был человек плотный, краснощекий, степенный, хозяйственный. Его можно было принять скорее за чинного купца или за деловитого тиуна,¹ чем за воина и великого князя. Говорил он медленно, собрав складки на лбу и обдумывая каждое слово: как бы не сказать чего лишнего! Был добросовестно медлителен в решениях, чтобы, упаси бог, не поступить наобум. Князь с душой, наполненной заботами о ржи, о новых срубах, о пошлинах с волжских купцов, о податях с горожан. Великий князь, презрительно равнодушный к великокняжеской славе, которой не наполнишь ведь сундуки. Чем губить под стрелами своих владимирских холопов ради призрачной власти над раздробившейся Русью, лучше продать в Новгород обмолоченный ими хлеб.

Таков был старший брат Александрова отца, князь их земли, человек, воплощавший в их глазах всю полноту родовой и государственной власти.

Северное небо, скупое на солнце. Глинистая земля, жадно пожирающая труд, но скупая на урожай. Старшина рода, скупой на слова, на золото, на холопов. Деревянный город с пашнями

¹ Приказчика.

и хлевами, похожий на окрестные села. Многолюдные села, отличающиеся от города лишь отсутствием крепостных стен. Строй жизни однообразный, суровый и прочный, воспитывающий в князе хозяйскую осмотрительность, хозяйскую уверенность, хозяйское чувство связи со всей его землей. Таковы были первые впечатления Александра.

НОВГОРОД

Александрю было пять лет, а его брату Федору — шесть, когда отец привез их в Новгород, во всем противоположный Переяславлю. Новгород еще издалека встречал гостя дымом от смоления ладей на волховской пристани. Горожане спешили по Великому мосту через Волхов — с Софийской стороны, с ее белым кремлем на валу, на Торговую, с ее давкой и криком на торге возле ладей и возов.

Тут были тысячи дворов — во время пожара в одной лишь части города их сгорело четыре тысячи триста. Тут были шумные ремесленные концы — Гончарский и Плотницкий, беленые терема купцов, знатных ростовщиков, владельцев лесных промыслов, иноземцами населенные улицы — Варяжская, Прусская. Готландские купцы поставили у торга каменную божницу святому Олафу, немецкие — церковь святому Петру.

Этот город стоял на земле, скупой родящей хлеб, но вздымающей к небу строевые и корабельные роши, заросли дикого хмеля, леса с медовыми дуплами, смолистыми соснами и пушными зверьми, на берегу вод, соединивших туманное Варяжское море с холмами Валдая, где среди елей и валунов близко сходятся истоки Волги, Днепра и Западной Двины.

Отсюда, из Новгорода, ветрила и весла несли ощетинившиеся копьями корабли на закат — к Колывани, бросающей с горы на море тени своих каменных башен и датского стяга над ними. Несли их и дальше, все на закат — к угрюмым стенам Рижской крепости и к шумным пристанищам Любека, где корабли подплывают к самым дверям кабаков, пропахших пивом и салом. Несли к полуночной стороне — в пустынную синеву финских озер и к крутым берегам варяжского Готланда, чернеющим над туманом прибоем, криком чаек и косяками тюленей, что дремлют на грядах камней, рассеянных вдоль берегов. На полдень и на восток преградили путь кораблям Валдайские горы, но за короткими волоками по просекам еловых лесов опять открывались широкие синие дороги. Дороги на Русь, без чьего хлеба не мог прожить Новгород, без чьих полков он не мог устоять против враждебных соседей, — путь по Днепру в Смоленск, Чернигов и Киев, по Волге — в Ярославль, Владимир, Рязань, Нижний Новгород. Дорога в столицу волжских болгар.

Земля, скупо родящая хлеб, не могла прокормить этот город. Воды кормили и одевали его. Они уносили вдаль его меха, воск и мед, его хмель и смолу и приносили ему владимирский и киевский хлеб, финское серебро, болгарские ткани. Из века в век его бесплодным берегам они дарили то сундуки с серебром, то шведские разбойничьи лодки, туманы, обломки кораблей и синие, пустынные, голодные волны. И наделили одних серебряными поясами бояр и теремами в два и в три потолка, где внутри сумеречных покоев толстые резные столбы подпирали низкие своды. Другим подарили закоптелые избы, хлеб с луком и репой, долги ростовщикам, тесла каменосечцев и плотницкие топоры.

Город славился мастерами каменных дел, возводившими боярские палаты, церкви, кремли. Их имена стояли в летописях рядом с именами князей, как имя Милонегга Петра — боярина, посадника, зодчего, строившего в Новгороде и в Киеве, друга киевского князя Рюрика, по словам летописца. С Милонеггом Петром соперничали в зодчестве братья Лукиничи, Садко Сытинич, Рядко с Рагатицы, Коров Яковлевич и другие.

То был город именитых серебряников — полумастеров, полувоинов, готовых в любой час бросить свои плавильные горшки, чтобы взяться за мечи и повести в битву своих подмастерьев, одетых в доспехи. Таким был Страшко, убитый в сражении с Литвой в тысяча двухсотом году. Таким был Нежила, что пал под Дубровкой ря-

дом с Федой Якуновичем — тысяцким. Их имена стоят в летописях.

Тут рядом с белеными теремами знатных ростовщиков, чьих дочерей брали себе в жены великие князья, лепились лачуги каменосечцев. Тут тесно было серебру в сундуках и толпам на торговищах, а кругом, за высокими крепостными стенами, лежали глинистые поля, ворохами сучьев ерошились кровли нищих погостов, пустынно шумели леса.

Новгородцы... Опоясанные боярскими мечами хозяева лесных промыслов, сбывавшие свой мед в шумные кабаки Любека. Полукупцы, полувоины, носившиеся на ладьях по Варяжскому морю, по Сухоне, по Волге, с товарами и мечами. Богатые сильные роды, что десятилетиями соперничали в торговле и боролись друг с другом за власть. Нищие горожане и смерды, что в трудные времена распрей с соседними землями, когда прекращался подвоз, разносили в щепы лавки и терема богатеев. Вчерашние соперники и враги, сегодня обнимавшиеся у белой Софийской церкви в знак верности Господину Великому Новгороду, чтобы дружно итти с оскепами,¹ палицами, топорами бить немцев или литву. Таково было пестрое, бойкое, беспокойное, готовое ценою жизни отстаивать свои выгоды население Новгорода.

По зову вечевого колокола оно стекалось на

¹ Длинная палка с острым железным наконечником.

широкий двор Ярослава, где выборные в красных кафтанах, стоя на крутых помостах, говорили с толпой. Этот двор, где было место всем горожанам, воплощал новгородское равенство: равенство прибежавшего сюда впопыхах нищего и безоружного горожанина, запутавшегося в долгах боярину-ростовщику, и его богатого заимодавца-боярина, приехавшего сюда на коне, в доспехах, с мечом у бедра, во главе вооруженных родичей и зависящей от него раболепной толпы. На этом дворе голосовали сумы, кулаки и мечи. Число и сила купленных сумой кулаков и мечей заменяли большинство голосов.

Переменчивость насыщала воздух Новгорода, как речной туман. Его купцы, что сегодня удачно набивали свои сумы на иногородних торговцах, назавтра просыпались в темных порубах¹ князей, неполадивших с Новгородом или друг с другом. На пристанях Владимира, Чернигова, Киева княжеские стражники наконечниками рогатин раскидывали товары новгородских гостей, ища припрятанный на дне ладьи балтийский янтарь или мех горноста, обирали их и обсчитывали, беря княжеский сбор. На дальних лесных дорогах падали новгородцы с коней, заколотые разбойничьими ножами. В Неву врывались шведские лодки, в них ржали ратные кони и стояли копейщики, жаждущие поживиться в богатых те-

¹ П о р у б — тюрьма.

ремах Софийской стороны, в заваленных товарами лавках Торговой. За рекой Великой свистели литовские стрелы и развевались белые плащи над железными латами ливонцев.

Для охраны купцов, товаров, границ, для отмены пошлин на рубежах княжеств, торгующей знати, заправлявшей в Новгороде всеми делами, нужны были клятвенные грамоты и сильные полки князей тех земель, с которыми они граничили или торговали. Одни торговые дома постоянно вели дела с Владимиром, зависели от его князей и тянули к ним. Другие зависели от Киева, от Смоленска. Торговавшие вчера со Смоленском находили сегодня более выгодной торговлю с Черниговской землей. Седобородые старшины соперничающих домов, каждый во главе своих родичей и подкупленных или подговоренных горожан с топорами и стягами, сходились на дворе Ярослава. Потрясая топорами, выкликали имена своих ставленников-князей, бились и теснили друг друга с вечевой площади.

В праздничных кафтанах шествовали победители за городской вал встречать нового князя крестами или провожать старого рогатинами. Князья, соперничавшие из-за власти над великим городом, шли ратью и пожаром друг на друга или на Новгород, прекращали подвоз хлеба из своей земли к новгородцам или ловили их купцов и бросали их в порубы. То тот, то этот брал верх. Обычно новый князь был врагом своего предшественника, старался вырвать с кор-

нем все сделанное им, лишить должностей и прав его сторонников и посадить своих на их места. Переменчивость насыщала воздух Новгорода.

На расчищенной топором и огнем владимирской целине, на кланяющихся ветру нивах — северских, рязанских, черниговских — князя прочно осели потомственными хозяевами пахот и пахарей, прочно привязались к своей земле. В торговом Новгороде они остались наемными вождями дружин, приходящими на срок из разных мест. Князь с его дружинниками были чужими людьми в Великом Новгороде, и двор их стоял вне города — на Городище.

У Новгорода, владевшего землей на недели пути, топоров было довольно для того, чтобы ни один из русских князей из-за дали лесов и болот не мог навсегда навязать ему свою волю. Но, вместе с тем, ни топоров, ни хлеба Новгороду нехватало для того, чтобы он, среди голодных болот и свиста вражеских стрел — шведских, финских, литовских, немецких, мог подолгу обходиться без русских князей. Нужда в князьях и стремление защититься от них создали странное двоевластие в Новгороде.

С одной стороны — посадник и тысяцкий, поставленные вечем править городом и землей при помощи приставов, биричей, подвойских, позовников, изветников,¹ старост уличских, сотских,

¹ Полицейские, глашатаи решений веча, служители для призыва или привода в суд, тайные агенты-осведомители.

кончанских,¹ — на словах — слуги веча, исполнившие его волю и отвечавшие перед ним, а на деле — его господа, навязывавшие ему, подкупом или подговором, желательные для них решения и удобный им выбор князей. С другой стороны — приглашенный вечем князь, который, войдя с дружиною в город и заключив союз с противниками неугодного ему посадника, располагал достаточной силой для того, чтобы выгнать его и заставить вече выбрать другого на его место. С одной стороны — князь, лишенный права судить без посадника. С другой — посадник без права вынести приговор в отсутствие княжеского тиуна. Палата владыки,² куда поступала на пересуд, в присутствии присяжных от каждого из пяти концов города, тяжба, предварительно разобранная в одринах³ судей — городского и княжеского. Городской судья, лишенный права разобрать тяжбу мирянина с чернецом без тиуна владыки. Особый суд на Городище из двух бояр, княжеского и новгородского, для разбора тяжб между новгородцами и княжескими людьми.

Всю эту обширную и легко рвущуюся паутину выткали вековые усобицы и порожденное ими всеобщее взаимное недоверие: владетельного боярина — к пришлому князю и его алчным дру-

¹ Новгород делился на пять концов, во главе которых стояли „кончанские“ старосты. Концы делились на сотни, сотни — на улицы.

² Архиепископ.

³ Камеры.

жинникам; властолюбивого князя и дружины — к беспокойным новгородцам; неграмотного боярина — к ученому чернецу; безоружного чернеца — к вооруженному боярину; бедного горожанина — и к боярину, и к князю, и к чернецу.

Против ростовщиков — бояр и владыки, кому задолжавшие отдавались в холопство на срок или навеки — в младшем люде злоба копилась годами, чтобы в пору голода, мора или несчастной войны прорваться бунтом. Бунт делил Новгород надвое Волховом: на боярскую Софийскую сторону и на сторону младшего люда Торговую. Две толпы, бояр и народа, обе со стягами, топорами, мечами, выходили друг против друга.

У каждой были свои вожди, которых она старалась поставить посадниками. Они принадлежали к знатным торгующим родам, что столетиями враждовали между собой, пользуясь в своем торговом соперничестве и в своей борьбе за власть рознью между двумя частями Новгорода. Михалковичи были вождями боярской Софийской стороны, а в торговле зависели от великого князя владимирского, который своими ладьями и стрелами своих крепостей перегораживал Волгу кораблям, возившим в Новгород хлеб. Роды, что верховодили Торговой, чаще были сторонниками князя черниговского.

В 1225 году, когда литва разоряла новгородские земли, Михалковичи обратились к владимирскому князю, и Юрий Всеволодович отпустил княжить в Новгород Александра отца, своего

любимого младшего брата, о котором он говорил: „Мы с братом Ярославом — один человек“.

И вот пятилетний князь Александр водворился в громадном, шумном, вечно взволнованном городе, чьих князей недоброжелательный к русским ливонский священник на страницах своей хроники с почтительным страхом именовал „великими королями новгородскими“.

Внезапные набеги ливонцев, литвы. Внезапные мятежи в городе, в пригородах, поднятые то голодной толпой, то заносчивыми богатыми тысяцкими, которых фламандский путешественник называл „герцогами“. Беспокойное, самолюбивое население, о котором владимирские бояре, привыкшие к молчаливой покорности своих холопов, с суровым неодобрением отзывались: „вечники — крамольники“. Жизнь, несущая что ни час неожиданности, воспитывающая в князе привычку к опасности, находчивость, умение мгновенно разобраться в сложном положении, мгновенно решиться на ответственный шаг. Таковы были главные впечатления отроческих лет Александра.

О Т Е Ц

В удельные времена отец был повелителем и наставником сына, сын был учеником и продолжателем дела отца.

Перед Александром стоял пример Ярослава.

Князь Ярослав был высок, широк в кости, худощав, угловат. Его длинное лицо часто краснело от злобы. Небольшие синие, недоверчивые глаза постоянно что-то угрюмо рассчитывали. Вспылив, он грубо бранился, хватался за меч.

Большую часть своей жизни провел он на коне, в шишаке и кольчуге, разъезжая по расползшейся во все стороны из-под великокняжеского стяга Руси, мечом стараясь собрать и удержать владения отца, дяди, деда.¹

Еще десятилетним отроком был он послан отцом в южный Переяславль и шесть лет с боярами Всеволода защищал эту землю от половцев и от соперников — южных князей. Он ходил на Колывань карать эстов и немцев за набеги на русскую землю. Заковывал в цепи мятежных новгородцев и высылал их в свои города. От воястрел и стука мечей возвращался он в сельскую тишину родного северного Переяславля, к своим огородам и пахотам.

Сняв шишак и кольчугу, Ярослав хозяйничал на переяславской земле, когда до него дошла весть о том, что литовцы разоряют окрестности Новгорода.

На Русь, от башен своего Переяславля до отдаленных болот на западных рубежах Новгородской земли, где он княжил недавно и снова надеялся княжить, смотрел Ярослав как на велико-

¹ Отца — Всеволода Большое Гнездо, дяди — Андрея Боголюбского, деда — Юрия Долгорукого.

княжеское — братнино и свое — достояние. Русское добро, его — Ярослава — добро расхищали литовцы. Князь Ярослав пришел в ярость и сел на коня.

До Усвята гнался он за литовцами, тут настиг их, разбил их наголову, отобрал всю их добычу, весь полон, захватил в плен и воинов и князей. При звоне колоколов, с дружиной, с пленниками, с победой вошел в Новгород, где его сторонники, Михалковичи, опять взяли верх.

Двух маленьких сыновей, Федора и Александра, с лукавым боярином Даниловичем и хмурым тиуном Якимом оставил Ярослав в неверной столице, а сам ушел на беспокойные окраины Руси — княжить и воевать.

Воевал в северных туманах, на скалистых берегах финских озер. В болгарских лесах над крутыми волжскими обрывами. Во псковских болотах.

На окраинах Псковской земли по дворам сел разъезжали рыцари в черных туниках, в белых плащах с черным крестом на левом плече, угоняли коней, ловили поросят, гусей, петухов. Их благочестивое рыцарское гнездо было за глубокими рвами и узкими бойницами в каменных стенах рижской церкви, где на торжественных мессах, в колыханьи свечных огоньков, сутулый епископ ливонский благословлял их мечи.

Он пришел крестить этими мечами латвийские леса, русские села, поля, огороды, наложить на пасмурный простор десятину Западной церкви.

Для пользы дела его беленькая ласковая племянница легла в постель псковского князя. Псковитяне, застав князя с немочкой, разнесли в щепы его терем, а любовники, в лохмотьях и синяках, едва спаслись в Ригу. Епископ дал псковскому праправнуку Мономаха четыре ливонских села и лес под Ригой.

Оттуда, стараясь отомстить псковитянам и отблагодарить рыцарей за гостеприимство, праправнук Мономаха водил их грабить и жечь Псков. Немочка родила князю сына. Беленький пухлый князь псковский, тезка Ярослава, сидел на коленях у рыцарей, болтал по-немецки. Рыцари бились с князем на деревянных учебных мечах, осушали с ним дружеские кубки, играли в кости, женили его на литвинке и повели отвоевать Псков: князю — княжество, рыцарям — земли и холопы, епископу — десятина. На пути пили в харчевнях, ликовали, делили в веселых беседах Псковскую землю.

Ярослав встретил их топорами на снежной равнине перед стенами Изборска, гнал их по льду реки Оможивы, расколол их брони и шишаки, в полыньи бросил трупы, а псковского тезку увез в Переяславль, заковал в кандалы и запер в поруб. Мерзостью казался ему этот белый пухлый князь, водивший немцев губить свое добро.

Властный, деятельный, крутой, проникнутый твердым намерением отстаивать мечами своих дружинников владимиристо-новгородскую Русь от мечей ливонцев, литовцев, финнов, а свою власть

над ней от внутренних врагов, — таков был князь Ярослав, человек, которому с малых лет должен был повиноваться и подражать Александр.

ОТРОЧЕСТВО

Князь Ярослав воевал на берегах финских озер и во псковских болотах. Маленький князь Александр подолгу оставался один в громадном Новгороде, среди беспокойного населения. Один, с болезненным братом Федором, который был на год старше его, с осторожным владимирским боярином Даниловичем, с упрямым, угрюмым тиунном отца Якимом и небольшой стражей.

Князь Ярослав требовал от Новгорода все новых пошлин, ратей, покорности. Волновались скупые ростовщики, жадные купцы, обнищавшие горожане, самолюбивая знать. Ничего не добившись от них, Ярослав уходил с дружиной из Новгородской земли, расставлял свою стражу по ее пограничным городам, ловил проезжих купцов, останавливал возы с хлебом. В Новгороде повышались цены на хлеб, народ голодал, грабил богатые дворы, восставал против посадника из Михалковичей и ставил на его место Мирошкинича. Князя Александра, остававшегося в Новгороде, окружала ненависть врагов Ярослава.

Когда опасность становилась особенно грозной, Яким и Данилович ночью, тайком, увозили маленьких князей в Переяславль. В Новгород

въезжали приглашенные Мирошкиничами черниговские князья, но ненадолго. Опять брали верх Михалковичи опять возвращался Ярослав, и опять он уходил воевать, оставив наместниками сыновей.

С малых лет — учебный бой на мечях, детская дружина из сверстников, повинующихся своим князьям, книжная грамота, участие в походах отца и в новгородских делах, решаемых Даниловичем и Якимом от имени Федора, а в его отсутствие — от имени Александра. Послы и гости из Готланда, из Колывани, из Риги, из Любека, их рассказы о западных землях. Побег в Переяславль, возвращения в Новгород.

В Переяславле — неизменная чередa земледельческих дел и незыблемость власти отца, хозяина, князя. В Новгороде — постоянная борьба с врагами отца, постоянная война с ливонцами, с литвой. Неизменный ропот большинства новгородцев на Ярослава и неизменное противопоставление ему Александрова деда — отца его матери, Мстислава Удалого, о чьем недавнем княжении в Новгороде сохранились счастливые воспоминания.

Мстислав Удалой, высокий, седогривый, величавый, был последним князем-рыцарем древней Руси, последним бродягой-воителем, странствующим от княжества к княжеству со своей дружиной, сверкающей золочеными шлемами, с великодушностью в любом краю Руси благородно и бесполезно сложить под мечами свою величавую голову. В громкой славе Мстислава

было много бесполезного блеска, который так презирали владимирские князья, ценившие прочную выгоду. За свою многолетнюю жизнь не создал он ничего прочного, и дела его умерли вместе с ним.

И все же имя его пережило века, дошло и до наших дней, а в годы Александра детства слава победителя ливонцев и венгров, даровитого полководца, храброго воина, щедрого князя гремела по русским городам и привлекала сердца. Особенно почитали Мстислава в Новгороде, который он освободил когда-то от власти Владимира и защитил от ливонцев. Для большинства новгородцев мечта о независимом Новгороде воплощалась в Мстиславе, и они так же любили его, как ненавидели Ярослава, стремившегося их подчинить воле и выгодам Переяславля. Вот почему до Александра из года в год доходили предания о рыцарстве, щедрости и великодушии деда, которого предпочитали деловитому, жадному, жестокому отцу.

Ярослав, как и его предшественники на новгородском княжении, проводил большую часть своей жизни вне Новгорода и привык смотреть на него со стороны. Но Александр, в отличие от своих предшественников, в Новгороде вырос и годами жил в нем безвыездно. Когда Ярослав осаждал своевольничающий Новгород голодом, не решаясь, однако, порвать с ним окончательно и отозвать наместников-сыновей, Александр оставаясь в его стенах, видел на улицах трупы умер-

ших с голоду, терпел лишения и сам. Дружескими связями, привычками, вкусами Александр был прочно связан с торговой столицей, ощущал себя ее частью и не мог так противопоставлять себя Новгороду, как отец.

Деловитый, как Ярослав, не мог он также не замечать, что слишком крутые меры отталкивают людей от отца и его разумных целей, между тем как Мстислава, умеющего нравиться людям, любят, хотя от блестящих дел его мало пользы.

Под двойственным влиянием условий новгородской и переяславской жизни, под влиянием противоречивых впечатлений от деятельности отца, дяди, деда, среди нескончаемых войн и мятежей закалялась душа Александра, обогащался опытом и мыслями и изощрялся его ум.

Так постепенно выработалось в нем то соединение деловитой хозяйской уверенности владимирского землевладельца с умением жителя беспокойной торговой столицы мгновенно разобраться в сложном и опасном положении, то сочетание отцовской непреклонности в отстаивании своей земли и своей власти над ней с дедовским умением располагать к себе, осторожности Юрия с рыцарским блеском Мстислава, которое и составило отличительную черту Александра.

Он был высок ростом, величав, голос его звучал как труба, когда он говорил перед новгородской толпой или отдавал приказания своей дружине.

Его старшего брата Федора, наследника отца

на новгородском княженьи, нашли мертвым в день свадьбы. Ярослав ушел с дружиной на юг, отвоевал Киев и сел там княжить. Накануне величайших потрясений в жизни русского народа Александр остался в Новгороде самостоятельным князем.

ВОСТОЧНЫЕ И СЕВЕРНЫЕ ВРАГИ

Полчища желтолицых, раскосых всадников в бараньих тулупах, в высоких конических шапках, с бунчуками из конских хвостов на наконечниках копий, с табунами коней, со стадами овец, с шатрами на широких телегах, где под войлочным сводом кузнецы наколачивали на древки стрел железные наконечники, между тем как быки мерно тащили их телеги вперед, воины хана Батяя пересекли великие степи, переплыли Яик, перешли по льду широкую Волгу. Окованные железом бревна, раскачиваемые на цепях, застучали в ворота и стены Владимира. Стрелы с горящими клочьями войлока на древках воткнулись в кровли его теремов.

Князя, которым Юрий, равнодушный к судьбам Руси, не пособлял в их несчастьях, теперь в свой черед оставили его без подмоги. Против каждого десятка ханских всадников лишь один всадник владимирского князя помчался с поднятым мечом по синему льду реки Сити. И упал,

сраженный ударами множества сабель и копий, под копыта бесчисленных всадников.

Разъединенные стягами враждовавших друг с другом князей, в неравной борьбе со сплоченной ордой тысячи русских людей отважно и бесполезно погибли на стенах Рязани, Козельска, Чернигова, Киева, и по улицам этих городов стали разъезжать желтолицые ханские сборщики дани. Только до стен Пскова и Новгорода не добрались всадники и телеги орды, застигнутые в болотах весеннею ростепелью.

Все хищные соседи богатой северо-западной Руси, оставшейся теперь без опоры, встрепенулись. В развевающихся белых плащах с черными крестами кинулись к Пскову ливонские немцы. Литовцы примчались грабить и жечь под стенами Смоленска. Ощетинясь копьями, устремились вверх по Неве шведские ладьи с крылатыми медными змеями на крутых носках. Из далекого Рима наместник святого Петра, столетний глухой и слепой старик, из всех чувств сохранивший одну только злобу, напутствовал их пастырским благословением в крестовый поход против врагов Христа — русских . . .

Около века назад к соседним с Русью финским берегам пристали широкие шнеки¹ короля Эрика. в них стояли со своими конями шведские рыцари в чешуйчатых бронях, с крестами на щитах. Топот их коней ворвался в тишину финских ле-

¹ Плоскодонные лодки.

сов. Падали пронзенные стрелами и копьями язычники-финны, рушились их увешанные лосьими рогами священные сосны, которым они приносили в дар молоко. Согнанные копьями пленники строили сосновые замки и каменные церкви, и к их железным дверям крестоносцы мечами пригоняли поганых креститься и платить дань. И вот, обойдя с мечом в руках леса и топи южной Суоми, воевода Эрика наткнулся на ее рубежах на крепостные стены новгородских застав. Сто-рожа западные ворота Ладоги, на островке посреди реки Вокши,¹ в этом месте впадающей в озеро, высилась бревенчатая крепость Карела.² У южных ворот Ладоги росли из самых вод Волхова серые каменные стены и башни Ладожской крепости.

Шведы не могли спокойно владычествовать над финскими пахарями и рыболовами, пока на пороге Суоми — в земле карелов, на Ладоге — стояли русские крепости, грозя пришельцам стрелами и мечами, и пока Новгород мог — по Ладоге, по морю — посылать к финским берегам свои ладьи с воинами и товарами. Нужно было отрезать Русь от моря, от Ладоги, оторвать от Руси издавна с нею связанную торговлей и дружбой карельскую землю, отнять у Руси или превратить в груды развалин Ладожскую крепость и северные русские города.

¹ Древнерусское название Вуоксы.

² Кексгольм.

В 1164 году шведский воевода осадил ладожскую крепость, четыре дня простоял под ее стенами, был отбит ладожанами, отступил, на пятый день был настигнут дружиной новгородского князя и, разбитый на голову, едва убежал с горстью людей.

Сражаясь за широкий синий путь для русских кораблей, за целость северных русских городов и владений, новгородцы не только столкнули шведов мечами с русского берега в море, но и перенесли за море сверкание этих мечей — в порабощенную шведами финскую землю.

В 1198 году паруса новгородских ладей заблели над синевой финского фьорда. Русские топоры застучали в окованные железом ворота шведской крепости Або. Або был взят, и над угрюмыми бревенчатыми башнями, высившимися по углам крепостных стен, взвился огонь.

Во вьюжную зиму 1226 года полки Александра отца, Ярослава, по льду озер, болот и рек зашли далеко вглубь финской земли навстречу шведским завоевателям. Новгородские стяги развевались над финскими снегами, новгородские трубы трубили в финских туманах. Карелы, которым шведы приносили крещение на остриях окровавленных мечей, мирно, без всякой борьбы, приняли крещение от новгородцев.

За век, что истек со времени крестового похода Эрика святого на финнов, на приморской окраине Руси, на реках Луге и Копорье выросли сторожевые заставы. У впадения Невы в море

теперь стояла новгородская стража. Остановленные в своих завоеваниях, обеспокоенные встречным наступлением Руси, шведы собирали силы и ждали удобного случая, чтобы напасть на приморскую Русь. Теперь случай представился: Новгород был одинок, и столетний папа Григорий IX торжественной буллой благословлял правителя Швеции Биргера на крестовый поход против русских.

НЕВСКАЯ БИТВА

В середине июля 1240 года широкие шведские шнеки с медными змеями, хвостатыми девами и деревянными святыми на высоких носках стояли на Неве перед устьем Ижоры, недалеко от того места, где еще недавно прохаживалась новгородская стража, теперь принужденная отступить. На берегу, под шатрами, долговязые белобрысые воины Биргера, сняв крылатые шлемы и чешуйчатые брони, играли в кости и пили из деревянных чаш, вырезанных в виде ладей. Тут были и рыцари с шрамами на обветренных лицах, с мечами на поясах, были и угнанные этими мечами краснощекие сельские парни, которые отлично рубили деревья, но еще никогда не рубили людей. Тут были шведские епископы в панцырях под белыми мантиями, в красных сутанах, и хмурые норвежские крестьяне с оскенами, которыми они поражали тюленей, и угрюмые,

пропахшие рыбой финские рыбаки. Войско было многочисленное, и вел его опытный полководец, высокий, в холодных блестящих доспехах, ярл¹ Биргер, зять короля.

От своих лазутчиков, готландских купцов, постоянно торговавших в Великом Новгороде, ярл знал, что готового выступить в поход постоянного войска у молодого короля Александра немного, во много раз меньше, чем шведов, а сбор ополчения по Новгородской земле должен отнять немалое время. Прежний же король новгородский Ярослав со своей грозной дружиной находится далеко от Новгорода — во Владимире, где он наследовал престол старшего брата, великого короля Юрия, убитого в сражении с татарами. Пока Александр будет собирать ополчение по своей земле и ждать помощи от отца, он, Биргер, успеет дойти до Ладоги и взять эту крепость, охраняемую немногочисленной стражей. Укрепившись со своим многочисленным войском в сильной каменной крепости и без труда получая подмогу из Швеции по освобожденным от русских водам Ладоги и Невы, Биргер сумеет не только отразить войско короля Александра, но и двинуться по Волхову к новгородским стенам.

На пустынном и безопасном берегу, в одном переходе от Ладожской крепости, Биргер сделал последний привал, чтобы дать людям отдохнуть

¹ Наместник короля.

после утомительного пути, а затем быстро двинуться вперед.

Таков был замысел опытного шведского полководца, и, не сомневаясь в его успехе, Биргер послал в Новгород Александру надменное объявление войны: „Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже здесь“.

Задолго до прибытия Биргерова посла невские стражники принесли Александру весть о высадке шведского войска и сведения о числе кораблей и людей, описали вооружение воинов, вид и местоположение лагеря.

В замысле Биргера была одна слабая сторона, и ее мгновенно обнаружил быстрый ум Александра. Рассчитывая, что Александр, располагающий небольшой дружиной, должен будет потратить немало времени на сбор достаточного ополчения, Биргер возложил все надежды на быстроту своих действий. Считая себя в безопасности, торопясь к Ладогe и желая дать воинам отдых перед столкновением с русскими, он не стал тратить время и силы своих людей на укрепление лагеря на месте привала. Если с небольшой, но слаженной и доброй на рати дружиной застигнуть врасплох это громадное, но нестройное и разноплеменное войско, то оно будет разбито.

За безумной удалейю крылся трезвый расчет. Александр пополнил свою дружину лучшими воинами из горожан и выступил в поход.

Пятнадцатого июля, незадолго до полудня, перед тесным и беспорядочным скоплением швед-

ских шатров с золотой вежей Биргера посредине выросли всадники Александра.

Сравнительно с большим войском, высадившимся на берег Невы, чтобы ворваться в русские города, убивая и грабя во славу Рима и его десятины,¹ — новгородских воинов было немного. Вся их сила была в дерзости, верности и быстроте их удара.

Они бросились в узкие улицы между шатрами, рубили полотнища саблями, врывались в шатры, закалывали растерявшихся шведов мечами, затапывали их копытами коней, прежде чем они успевали взяться за оружие. Люди Биргера выбегали из веж и падали под русскими топорами. Сплотившись вокруг ярла, который успел надеть шлем и броню и сесть на коня, — сдвинув стеной щиты, медленно отступали к ладьям.

Тучный княжеский ловчий Яков Полочанин вломился в шведские ряды, с грохотом обрушивая свой меч на крылатые шлемы. За ним, как по улице, подвигались вперед новгородцы. Савва, высокий княжеский отрок, пробился с топором до Биргерового золотой шатра и подсек у него столб. Большой шатер рухнул под радостные крики дружины.

Князь Александр, высоко заноса двумя руками меч, прорубался через толпу шведских воинов к самому ярлу. Рядом с князем пеший слуга его,

¹ Подать в пользу католической церкви, составлявшая десятую часть имущества или дохода.

бросаясь из стороны в сторону, отражал своим мечом сыпавшиеся на Александра удары и отвлекал от князя врагов. Слуга долго бился, окруженный шведами со всех сторон, и пал от множества ран.

А князь Александр пробился к высокому Биргеру, сверкавшему стальной чешуей своих лат, и хватил его острием меча по лицу — „возложил ему печать на челе“, говорит летописец. Ярл, видя, что его окружают враги, повернул коня и помчался к Неве. За ним, разметав его телохранителей, опередив Александра, гнался с поднятым мечом худощавый, но сильный дружинник Гаврило Олексич. Гнался за ярлом до самой воды, въехал следом за ним по доске, брошенной с корабля на берег, но шведы на корабле успели оттолкнуть доску, и Гаврило Олексич со своим конем рухнул в воду. Удержался в седле, выехал на берег, столкнулся с Биргеровым воеводой. Высоко в воздухе скрестил свой меч с его мечом, раз и другой, расколочил его шлем и бросил военачальника мертвым на землю.

Тогда норвежские и финские ратники толпами побежали к ладьям, отталкивая, опрокидывая и топчя своих рыцарей. Опередив беглецов, новгородец Миша с товарищами, стоя по пояс в воде, изрубил три порожних корабля топорами. Отчаливал переполненные воинами шнеки. Люди, оттесненные в воду всадниками Александра, пускались вплавь за ладьями и тонули в тяжелых доспехах.

Не дожидаясь дождя стрел с удалившихся от его мечей шнек, Александр повернул всадников и ускакал.

А Биргер собрал в ладьи своих мертвых, наспех схоронил на низком невском берегу тех, для кого не нашлось места в ладьях, и до света уплыл назад к своим сосновым замкам, пропахшим рыбой, что стоят на черных утесах над морем.

ЗАПАДНЫЕ ВРАГИ

А немцы уже были во Пскове. Изменник Твердило Иванкович, псковский посадник, открыл им городские ворота.

Больше полувека назад папа Целестин III, в награду за истребление язычников, не платящих десятинной дани церкви Христа, обещал шайке изгнанных из Саксонии преступников ¹ полное отпущение всех их грехов и признание за ними владетельных прав на земли, которые они завоюют, на людей, которых они поработят. И вот жаждающий быстрой наживы сброд разных сословий надел закрытые шлемы с узкими прорезями для глаз, кольчуги, белые плащи с черными крестами на левом плече, назвал себя орденом братьев христового рыцарства и с мечами и распятыями хлынул в ливонские леса.

¹ „Banniti de Saxonia pro sceleribus“, — как говорит хроника *Trium Fontium*.

Свистели стрелы, падали под топорами тысячелетние боги-дубы, которым ливы приносили в жертву коней. Загорались леса, где эсты и латыши с пением сжигали своих мертвецов, а в могилу зарывали их копья. На пепелищах лесов согнанные копьями пленники строили каменные замки для своих угнетателей. Из железных ворот выезжали убийцы в белых плащах, чтобы, перебив застигнутых врасплох обитателей леса, быстро скрыться за неприступными стенами. На земли ливов и эстов, переколотых копьями, затоптанных конями, сожженных заживо, задушенных дымом в пещерах, тянулись немецкие переселенцы. И дальше шли рыцари; горели леса, строились крепости. Так, подвигаясь на восток, немцы добрались, наконец, до русских сторожевых застав на окраинах Эстонской земли—до Юрьева, Кукенойса, Герцике, взяли их и перебили их население.

Мстислав Удалой с новгородцами и псковитянами вошел в Эстонскую землю, разбил рыцарей под стенами Оденпейского замка, обошел всю Эстонию до самого моря, уничтожая немецкие укрепления. Другое ополчение взяло Юрьев и посадило там русского князя. Ярослав перебил юрьевских немцев на льду реки Оможивы. Но русские рати уходили с победой на Русь, оставляя по заставам малую стражу, а следом за ними возвращались спасшиеся от их мечей рыцари и тянулись новые переселенцы.

И вот теперь Новгород был одинок. Сын псков-

ского князя и римской немки, вымолив себе прощение у Ярослава и выйдя из переяславского погребя, снова вел на Русь своих друзей с черными крестами на белых плащах. Изменник Твердило открыл им ворота. Рыцари были во Пскове, делили между собой земли, избы, людей, крестили в римскую веру, вешали, жгли, у поселян по реке Луге отобрали весь скот и коней, убивали проезжих новгородских купцов, в погосте Копорье построили крепость и собирались на Новгород.

Участь ливов и эстов готовилась русским. Князь Александр с новгородцами, псковичами, ижорцами, карелами, ладожанами шел на рыцарей.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Силы ливонцев были собраны в трех крепостях: на северо-западе от Новгорода — в Копорье, на западе — в Юрьеве, на юго-западе — во Пскове. Из этих трех мест мог Александр ждать наступления на Новгород. Куда направить первый удар?

Не на Юрьев, конечно; не углубляться же в страну с чужим, враждебным Руси населением, оставляя за плечами ливонцев, чтобы дать обойти себя с тыла и оказаться окруженным со всех сторон. Конечно, сперва нужно было вытеснить немцев из русских местностей, где к тому же от жителей можно было ждать не сопротивления, а помощи. Но куда ударить прежде всего — на Копорье или на Псков?

Большой, хорошо укрепленный Псков стоял у самых рубежей Ливонской земли и в ближайшем соседстве с захваченным рыцарями Изборском, откуда немцы во Пскове могли легко получать подмогу. На Копорье — небольшую крепость, более отдаленную от мест скопления ливонских сил — повел Александр свою рать.

Он шел стремительно, застигая врасплох и избивая сторожевые отряды ливонцев на Луге, Копорье взял приступом, немецкую стражу частью перебил в сече, частью увел в Новгород и ушел в Переяславль собирать подкрепление для похода на Псков. Из Владимира Андрей Ярославич, меньшей его брат, привел под его стяги дружину отца.

Александр двинулся к Пскову, опережая весть о своем приближении. Жители городов и погостов на его пути снимали со стен свои оскепы, топоры, палицы и приставали к полкам. Их не ждали во Пскове, когда немецкие стражники с башен крепостной стены увидели на краю неба лес русских рогатин и копий. Ободренные псковичи поднялись Александр ворвался в город, перебил, перехватал немцев, наместников ордена заковал в кандалы и отослал в Новгород.

Псков был свободен. Ливонцев не оставалось на Русской земле, но сила их еще не была сломлена. По снежной дороге князь Александр с полками новгородскими, псковскими, владимирскими вступил в Ливонскую землю.

Воевода Домаш был послан вперед разведы-

вать путь. На его пеший полк стремительно налетели ливонские всадники, смяли, разметали, перебили его. По открытой дороге рыцари, собравшиеся со всей Ливонской земли, двинулись на Александра. Со своей пешей ратью и малочисленной конницей Александр подался назад.

Он искал поля, где бы мог построить полки так, чтобы ливонские всадники, сильные стремительным натиском, застряли в чаще русских копий. Чтобы, сбившись в тесную толпу, они теряли коней и, передвигаясь с трудом из-за тяжелых доспехов, падали под русскими топорами. Такое поле он нашел на льду Чудского озера, у скалы — Вороньего Камня.

Было 5 апреля 1242 года. Лед был еще крепок. На рассвете черной рябью по белому снегу стали надвигаться ливонцы. За ними брели пешие толпы покорных им эстов и латышей. С восходом в ряды русских копейщиков железным клином щитов, закрытых шлемов, нагрудных броней, мечей врзались рыцари.

Теснили и опрокидывали новгородцев, топтали их конями, рубили их. Под натиском всадников пешие воины медленно расступались, постепенно охватывая конницу длинным кольцом. Поле битвы сужалось, кони в чаще копий переходили с рыси на шаг, их натиск ослабевал. В это время Александр вывел из-за скалы свою дружину.

Бросился с нею в объезд, ударил с тыла по немцам и по шедшим в хвосте латышам. Под напором своих задних рядов, теснимых мечами

Александровых всадников, рыцари сбились в кучу. Их кони спотыкались о трупы, натыкались на копья, останавливались, металась в копейном лесу, с криком вставали на дыбы и падали на лед. Спешившиеся латники, прикрываясь щитами, грузно вертелись под градом ударов оскепами, палицами, рогатинами. На оглушенных падением, придавленных конями обрушивались топоры.

Стоял треск ломаемых копий и стук мечей о мечи. Льда уже не было видно под конскими трупами, кровью и тесной толпой бойцов. Лед затрещал, стал ломаться. Ливонцы бежали назад.

Бежали пешком, в тяжелых доспехах, а за ними гнались всадники Александра, мечами и копьями бросали их на лед. Гнались семь верст — до Суболичского берега, потом повернули назад. Рыцари без шлемов и без мечей, с веревками на шеях, шли за их конями, и на протяжении семи верст лежали на льду убитые немцы.

ЗАПАДНЫЕ ПОХОДЫ

Потеряв на льду Чудского озера цвет своего рыцарства и с ужасом ожидая теперь нашествия Руси на Ливонскую землю, немцы прислали в Новгород послов с торжественным отказом не только от притязаний своих на Псков и на берега Луги, но и от всех завоеваний ордена в землях латышей и нарвских финнов — вожан.

„Что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лоты-голу мечом, то ся всего отступаем“.

Рать восьми литовских князей, опустошившая окрестности Торжка, разбита Александром под Торопцом и бежит, бросая телеги с добычей, пленных, щиты, но настигнута у Усвята и истреблена.

Рим от призывов к крестовым походам переходит к льстивым посланиям, и важные кардиналы Гальд и Гемонт, прибыв в далекий Владимир, красноречиво уговаривают великого короля Александра перейти в римскую веру, но тщетно.

Тайна многочисленных побед Александра заключалась не только в его дарованиях. Она заключалась и в военном превосходстве Руси над немцами, шведами, литвой. Русь била их не только под стягами этого князя.

Литовцев бил Ярослав на Дубровне и под стенами Смоленска, и они, бросая обозы, щиты, копья, бежали в леса. Бил под Торопцом сын Александра — Василий. Псковичи при Довмонте трижды заходили вглубь Литовской земли и возвращались с победой и пленниками.

Через одиннадцать лет после Ледового побоища новгородцы, карая немцев за новый набег на Псков, опустошили Ливонию. Когда ушли новгородцы, пришли псковичи — новая победа и новый погром. Видя себя на краю гибели, немцы послали послов во Псков и Новгород просить мира „на всей новгородской и псковской воле“.

Позорный для высокомерных рыцарей мир со-

стоялся. Еще через пятнадцать лет, при племянниках и сыновьях Александра, новгородцы повоевали всю немецкую землю от Наровы до моря, разбили собранный со всей Ливонии железный рыцарский полк, гнались за рыцарями и избивали их. В Риге, Феллине, Юрьеве рыцари и епископы с молитвенным пением выходили навстречу новгородцам и целовали им кресты. Через год — новый набег ливонцев на Псков, новый разгром их и новый мир „на всей новгородской воле“.

Побеждал не один Александр. Но из истории, повествующей об успехах других воевод и князей, известны также и их неудачи. Говоря же о победах Александра, и русские летописи и хроники враждебных Руси народов молчат о его поражениях. История знает его успехи, но не знает его неудач.

Александр брался за осуществление только таких предприятий, в успешном исходе которых он был достаточно уверен. Бесстрашный в битвах, смелый в замыслах, он не дерзнул, между тем, ни преследовать шведов после их разгрома на Неве, ни углубляться в Ливонию после Ледового побоища, ни удерживать за собой земли, повоенные в финском походе. Он не пытался присоединить к Руси чужие владения и не раздражал понапрасну даже побежденных врагов.

Александр брался за меч лишь тогда, когда не взяты за него — значило прогадать, взяты же — выгадать. Беспольные подвиги были чужды Александру.

СЕВЕРНЫЕ ПОХОДЫ

Через шестнадцать лет после Невской битвы шведы снова решились причалить на своих шнеках к негостеприимным русским берегам. На этот раз они высадились у морских ворот торгового Пскова — в устье Наровы, чтобы поставить шведскую крепость на этой псковской Неве, соединяющей Псковско-Чудское озеро с морем. При одной вести о сборах новгородцев в поход рыцарь Дидман со всей своей ратью, не достроив крепости, бежит за море, чтобы Нарова не стала для шведов второю Невой. Но теперь, после повторного покушения на морские ворота Руси, Александру уже мало одного отступления шведов.

Он решил выжечь гнезда, которые свили себе хищники у самых рубежей Новгорода — в финской земле, чтобы, прилетая оттуда, вновь и вновь терзать русскую землю.

Зимой 1256 года Александр собрал рать. Никто не знал, на кого князь поведет ее. По льду Ладоги князь Александр с полками владимирскими и новгородскими внезапно вступил в финскую землю.

По снежным просекам лесов, по льду озер проходили русские воины. Стужа забиралась под их шубы и тулупы. Иногда в сумерках под кровлями рыбацкого села находили золотой жар в открытых очагах, уху, покой в тепле на деревянных лавках и сытный корм для усталых, изголодавшихся коней. Но чаще ночевали на снегу, под

пасмурным финским небом. Обледенелые сучья подолгу не хотели разгораться. Костры дымили и не грели. Окоченевшие руки и ноги распухали у костра, зудили и горели обмороженные раны. Кони, храпя и вздрагивая, бродили кругом, разгребали снег копытами и жевали мох. Люди рубили топорами прорубь, чтобы наловить немного рыбы.

По заваленным снегами теснинам между скал, по заледенелым руслам рек и топям, где в зимних туманах его воины не знали ни ночи, ни дня, обходил Александр неведомую русским страну, повсюду уничтожая шведские замки, гоня и избивая шведские полки. Финны, ободренные победами русских, восставали против владычества шведов и приставали к Александру.

При встречах с грозными в конном бою на мечах рыцарями в тяжелых бронях, на выносливых, но нерасторопных конях, Александр поворачивал своих всадников и мчался назад. Рыцари гнались за ними, растягиваясь длинной цепью по снежному полю. Оборачиваясь, русские воины на всем скаку пускали стрелы, которые звенели, как струна, в морозном воздухе. Раненые кони со ржанием вставали на дыбы, сбрасывали седоков, кидались в сторону, волоча по снегу рыцарей, застрявших ногами в стремях, падали на снег, придавливая своих хозяев.

Не раз, в упоении погони за бегущим врагом, рыцари слишком поздно понимали свою ошибку. Когда, второпях потеряв строй, растянувшись по

полю, они, наконец, пускались назад, то многие уже плелись на прихрамывающих конях или медленно брели пешком в своих тяжелых бронях, потирая ушибленную ногу, или лежали на снегу, оглушенные паденьем.

Тогда Александр поворачивал свою дружину. С поднятыми мечами неслись на врагов новгородцы на быстрых своих конях, настигали пеших, давили их конями, рубили их топорами с высоты седла, догоняли рассыпавшихся по полю всадников, били их.

С санным поездом, нагруженным добычей, с толпами пленных, с победой вернулся Александр на Русь...

На севере, как и на западе, побеждал не один Александр.

В 1284 году шведский воевода Трунда с большим войском в шнеках приплыл грабить Карелу (Кексгольм). Новгородцы, защищая карелов, заняли устье Невы, тут дождались Трунды и разбили его.

В 1292 году „молодцы новгородские“ с княжескими воеводами ходили в южную Финляндию („на Сумь и Емь“) и с победой вернулись домой. В 1295 году они ходили на крепость, выстроенную в Карельской земле шведским воеводой Сигом, взяли ее, перебили весь гарнизон, а крепость сравнивали с землей — „разгребли“.

В 1311 году новгородцы в ладьях переплыли залив, вошли в реку Кумо, проникли далеко вглубь финской земли, взяли епископский замок Ваная и сожгли его.

Еще через семь лет они снова переплыли море. В ворота крепости Або опять, как столетие назад, застучали русские топоры. Наместник шведского короля в финской земле („Людер, Сумьский мастер“) и епископ Финляндии бежали из крепости. Башни Або горели и рушились — уже во второй раз на их веку.

Так Великий Новгород защищал мечами и стрелами широкий синий путь для своих кораблей. Так выжигал он гнезда, которые враги его свили в финской земле, чтобы, прилетая оттуда, терзать русскую землю.

О Р Д А

Переяславль, где Александр княжил с тех пор, как отец его перешел на великокняжеский стол, был разорен татарами и платил им дань. Татарским данником был и отец. Хан Батый звал Александра к себе в Орду — на поклон. И вот князю Александру с его осторожной владимирской деловитостью, с его бесстрашием воина и изворотливостью новгородца предстояло определить свое отношение к завоевателям, перед которыми не устояли такие многолюдные и искусные в ратном деле народы, как китайцы, персы, болгары, половцы, поляки, венгры.

Были на Руси правители и военачальники, которые ни в какие сделки с завоевателями войти не пожелали и татарскому игу предпочли смерть.

Таким был ростовский князь Василько Константинович. На Сити он, в голове своих всадников, потеряв шишак, расколотый татарским мечом, сражался с такой отвагой, искусством, презрением к ранам, что татары, умевшие ценить эти качества, постарались взять его живым и уговаривали его служить хану. Василько гордо отказался, и его изрубили мечами.

Были на Руси и такие князья, которые при первом известии о приближении татар к их владениям бежали. Таким был князь Ростислав, сын Михаила Черниговского. Он бежал из Чернигова, добежал до Киева, тут обнаружил, что киевский князь бежал еще раньше, обрадовался случаю и сел княжить, но татары уже шли на Киев, и Ростислав бежал к венграм, с их помощью овладел Галичем, когда же татары дошли и до Галича, бежал и оттуда.

Были князья, которые холопствовали перед татарами в надежде на их милости. Таким был Изяслав, зачатый в степи, под половецкой телегой, раскосой дочерью половецкого хана в объятиях четырнадцатилетнего русского князя. Дважды изгнанный жителями из городов, где он княжил, Изяслав явился на поклон к Батью, выхлопотал себе Кашенецкий удел и вступил в союз с темником Куремсой, чтобы идти с ним на Галич: татарам — дань, Изяславу — княжение. Но темник бросил союзника в беде. Врасплох застигнутый галицким князем, Изяслав спасся в церковь, сидел там три дня, не пив и не ев, а на четвертый

сдался, был уведен в Галич и брошен в поруб.

Были князья, которые, не имея и трех сотен добрых мечей против трех тысяч татарских, вечевым колоколом поднимали народ на насильников и бесполезно обрекали его саблям татар. Таким был сын Александра—Василий. Он громко одобрял гнев новгородцев на Батыя, пылко поддерживал их намерение не платить хану дани, поднял и вооружил их. Но когда к Новгороду приблизились ханские сборщики со своей ратью и новгородцы заколебались, Василий, потеряв к ним доверие, бежал во Псков, а за него пострадали другие.

Князь Александр не походил ни на одного из этих князей. Ни бесполезно погибнуть, как Василько, ни трусливо отдать свои владения, как Ростислав, ни стать жалким прихлебателем ханских наместников, как кашенецкий князь, ни подрывать в безнадежной борьбе с Ордой силы своих подданных и свою власть—одинаково не входило в намерения Александра.

Борьба со шведами и ливонцами была возможна, ужиться же с ними было невозможно, потому что на остриях своих мечей они несли псковичам и новгородцам гнусавые римские мессы, плети иноземных вербовщиков, латинские письма, рыцарские замки на Русской земле, судилища комтуров¹ в черных одеждах, немецкую и шведскую речь, уничтоженье Руси.

¹ Старшины ордена.

Но борьба с Ордой еще была невозможна, ужиться же с ней было возможно, потому что она требовала только дани, дани, дани и поездок князей в шатры на поклон. Кланяйся, плати, а там — живи себе, как хочешь. Значит, нужно было платить, кланяться, собирать силы и ждать.

Не все это поняли так хорошо, как Александр. Отец его, властный, крутой, прямолинейный вояка, не успел понять, и его отравили в Орде. Сын понял и, подавив печаль, гнев и стыд, поехал кланяться и раздавать дары убийцам отца.

Александр ехал с твердой решимостью удерживать свой народ от преждевременных мятежей, которые бесполезно истощили бы его силы. С твердой решимостью удержать под одним стягом и владмирскую землю — данницу татар, и свободный Новгород, — заставить Новгород надеть на себя то ярмо, которое еще не в силах стряхнуть с себя Владимир. Чтобы не биться им одиноко — Владимиру с востоком, а Новгороду с западом, — пусть вместе терпят они татарскую кабалу, вместе и сбросят ее.

В степях волновался низкий ковыль. Князь и его спутники ехали от яма к яму,¹ меняя усталых коней на свежих. Из грязных кибиток на их пути раскосые женщины выходили смотреть на Александра и его именем стращали непослушных детей. Наконец на краю неба вырос город черных шатров. Город шел им навстречу — быки по дю-

¹ Конная станция.

жине в ряд, мерно тащили телеги, на которых стояли войлочные дворцы, кумирни, кузницы, кухни, жилища, и над ними вставал кузнечный, кухонный, жертвенный дым.

В глубине громадной ставки, обитой раскрашенными кожами, на высоком диване сидел молчаливый и неподвижный Батый. Ниже его, на подушках, сидели по одну руку жены, по другую — сын, тарханы,¹ темники.² Потели в шубах и шапках. Узкие ленивые глаза медленно ощупывали русского князя и его дары.

Даров было много. Князь был высок, величав, сверкал позолоченным шишаком и золотистой чешуей брони. Лучшая, в глазах татарина, слава окружала его: он победил много народов и ни разу не потерпел поражения.

Он собирал для хана дань по своей земле и карал непокорных. Хан слушал Александра, одобрительно кивал головой.

Опираясь на сабли благосклонного хана, усилить свою власть над городами и княжествами, чтобы затем, опираясь на мечи сплоченных княжеств и городов, добиться большей независимости от хана, — таков был расчет Александра. Величие дела, совершенного им, нисколько не умаляется тем, что, совершая его, Александр, как истый владимирский землевладелец и как новгородский купец (а он был и тем и другим), пре-

¹ Знать.

² Темник — начальник над 10 000 воинов.

следовал собственные выгоды: стремился к усилению своей власти и доходов.

Четыре раза ездил Александр в Орду кланяться и платить, а за стенами его городов кузнецы ковали в это время мечи, отроки натягивали учебные луки, мишени ощетинивались их меткими стрелами.

Четверть века минуло со времени нашествия Батая, и вот по всем городам владимирской земли ударили в вечевые колокола. По Ростову, Ярославлю, Суздалью, Переяславлю, Владимиру пронесся слух о том, что великий князь Александр прислал грамоту: „Татар бити!“ Грамоты никто не видел, но слух был упорен. Горожане с топорами бросились на дворы, где остановились жирные хивинцы с крашеными бородами, взявшие на откуп ханскую дань, и перебили их всех. Удержать бунтовщиков было некому: Александр услал все дружины на запад — против ливонцев.

Уже громадная татарская рать готовилась итти вырезать владимирских горожан, рушить крепостные стены, жечь избы. Александр поспешил в Орду.

Немного дружинников его окружало. В Орде его могли отравить, раздавить между досками, задушить. Он сидел в шатре, его неторопливо поили кумысом. В Орде не спешат. Тщательно взвешивали каждое слово Александра.

В конце концов стало ясно, что во всем виноваты жадные хивинские собаки. Они отягощали

подданных хана незаконными поборами, а бóльшую часть собранного добра присваивали себе.

Лишь бы русичи платили дань. К чему бесполезно их раздражать? Сборщики дани и их отряды были отозваны из русских городов. Города, восставшие и избившие ханских сборщиков, не подверглись никакой каре. Сбор дани окончательно перешел в руки великого князя.

Русь перестала быть владением Орды, оставшись лишь данницей ее. Такова была первая победа Руси над Ордой, одержанная прапрадедом Димитрия Донского Александром.

СЛАВА АЛЕКСАНДРА

Возвращаясь из этой поездки в Орду, Александр занемог и, доехав до Волжского Городца, скончался. Когда во Владимир пришел слух о кончине великого князя, один из его современников, плача, сказал: „Зашло солнце Русской земли“.

Два других современника Александра — два врага Руси, никогда не беседовавшие друг с другом, в разное время сказали об этом князе одни и те же слова. Магистр Ливонского ордена Вельвен так отозвался о нем: „Прошел я много стран и народов, но не видел такого ни в королях короля, ни в князьях князя“. Хан Батый сказал так: „Правда — все, что мне говорили о нем, — нет подобного этому князю“.

Московский летописец сравнивает его с непобедимым Александром Македонским и с неуязвимым Ахиллесом.

Александр умел быстро находить решения, в которых ему никогда не приходилось раскаиваться. Однажды принятому решению его душа, не знавшая колебаний, оставалась верна годами. С блеском рыцарских подвигов он соединял трезвый расчет. Суровый хозяин, озабоченный целостью и сохранностью своего хозяйства—Русской земли, — он явился лучшим защитником, какого Русь могла пожелать: в грозные десятилетия, когда она была раздроблена и разорена, он сумел отстоять ее от всех врагов, одновременно напавших на нее с разных сторон.

Придя к власти в годы величайших кровавых потрясений русской жизни, не имея за плечами никакого исторического опыта, который помог бы ему разобраться в совершенно новой, сложной и грозной обстановке, Александр не только не растерялся и не допустил непоправимых ошибок, но, напротив, не сделал ни одного ложного шага, и его деятельность стала образцом для последующих князей: для внука его — Ивана Калиты, первого собирателя русских земель вокруг Москвы; для внука Калиты — Дмитрия Донского, первого победителя татар на ратном поле, освободителя родины от их кабалы; для правнука Донского — Ивана Великого, первого правителя всея Руси, окончательно присоединившего Новгород к русскому государству.

Воплощением терпеливой и мужественной воли русского народа к независимому существованию, его грозной силы сопротивления внешним врагам, его беспощадного отпора сеятелям внутренних смут, разрушителям его единства — таким остается навсегда в истории нашей страны Александр Ярославич.

СОДЕРЖАНИЕ

Отчина	3
Новгород	6
Отец	15
Отрочество	19
Восточные и северные враги	23
Невская битва	27
Западные враги	32
Ледовое побоище	34
Западные походы	37
Северные походы	40
Орда	43
Слава Александра	49
